

Издательство
АСТ

АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ

БРОНЗОВАЯ
ПТИЦА

Москва
Издательство АСТ
2021

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р93

Серийное оформление и дизайн обложки
А. Фереца

Рисунок на обложке *И. Савченкова*

Рыбаков, Анатолий Наумович.

Р93 **Бронзовая птица : повесть / А.Н. Рыбаков. —**
Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с.

ISBN 978-5-17-117919-9 (Классика для школьников)

ISBN 978-5-17-117921-2 (Школьное чтение)

Анатолий Рыбаков (1911—1998) — русский писатель, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, награжден тремя орденами и многочисленными медалями за участие в Великой Отечественной войне и литературный вклад. Автор повестей и романов «Кортик», «Бронзовая птица», «Тяжелый песок», «Дети Арбата» и др.

«Бронзовая птица» — вторая книга приключенческой трилогии («Кортик», «Бронзовая птица», «Выстрел»). Друзья-подростки Миша, Генка и Славка отправились в пионерский лагерь под Москвой, расположенный неподалеку от старинной графской усадьбы. Ходили слухи, что когда-то там был спрятан клад. Чтобы его найти, надо разгадать тайну бронзовой птицы, скульптура которой сохранилась в усадьбе. Так начинаются новые увлекательные приключения закадычных друзей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЕАС

© Рыбаков А.Н., насл., 2021
© Савченков И., ил. на обл., 2021
© ООО «Издательство «АСТ», 2021

Часть I
БЕГЛЕЦЫ

Глава 1
**ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ
ПРОИСШЕСТВИЕ**

Генка и Слава сидели на берегу реки.

Штаны у Генки были закатаны выше колен, рукава полосатой тельняшки — выше локтей, рыжие волосы торчали во все стороны. Он презрительно посматривал на крохотную будку лодочной станции и, болтая ногами в воде, говорил:

— Подумаешь, станция! Прицепили на курятник спасательный круг и вообразили, что станция!

Славка молчал. Его бледное, едва тронутое розоватым загаром лицо было задумчиво. Меланхолически покусывая травинку, он размышлял о некоторых горестных происшествиях лагерной жизни.

Надо же всему случиться именно тогда, когда он, Славка, остался в лагере за старшего! Правда, вместе с Генкой. Но Генке на все наплевать. Сидит как ни в чем не бывало и болтает ногами в воде.

Генка действительно болтал ногами и рассуждал про лодочную станцию:

— Станция! Три разбитых лоханки. Написал бы просто: «Прокат лодок» — скромно, хорошо, по существу. А то «станция»!

— Не знаю, что мы Коле скажем, — вздохнул Славка.

— А я знаю. Мы скажем: «Коля, в жизни без происшествий не бывает. Без них жизнь была бы неинтересной».

— Без кого — без них?

— Без происшествий.

Вглядываясь в дорогу, идущую к железнодорожной станции, Славка сказал:

— Ты лишен чувства ответственности.

Генка покрутил в воздухе рукой:

— «Чувство», «ответственность»!.. Красивые слова... Я еще в Москве предупреждал: «Не надо брать в лагерь малышей». Не послушались.

— Нечего с тобой говорить, — ответил Славка.

Некоторое время они сидели молча. Генка болтал ногами в воде, Славка покусывал травинку.

Пекло июльское солнце. В траве стрекотал кузнечик. Речка, узкая и глубокая, прикрытая нависшими с берегов кустами, извивалась меж полей, прижимаясь к подножиям холмов, осторожно обходила деревни и пряталась в лесах, тихая, темная, студеная.

Ветер доносил отдаленные звуки сельской улицы. Приютившаяся под горой деревня казалась отсюда беспорядочным нагромождением железных, деревянных, соломенных крыш, утопающих в зелени садов. Только возле реки, у съезда к парому, чернела густая паутина тропинок.

Славка вглядывался в дорогу. Поезд из Москвы уже, наверное, пришел. Значит, скоро Коля Севостьянов и Миша Поляков будут здесь. Славка вздохнул.

Генка усмехнулся:

— Вдыхаешь? Эх, Славка, Славка!

Славка встал, приставил ладонь козырьком ко лбу:

— Идут!

Генка перестал болтать ногами и вылез на берег.

— Где? Гм... Действительно, идут. Впереди — Миша. За ним... Нет, не Коля... Мальчишка какой-то... Коровин! Честное слово, Коровин! И мешки тащат на плечах.

— Книги, наверное.

Мальчики всматривались в маленькие приближающиеся к ним фигурки.

— Только имей в виду, — зашептал Генка, — я сам объясню... Ты в разговор не вмешивайся, а то все испортишь. А я, будь здоров, я сумею. Тем более — Коля не приехал. А Миша что? Подумаешь!

Но как ни храбрился Генка, ему было не по себе. Предстояло неприятное объяснение.

Глава 2

НЕПРИЯТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Миша и Коровин опустили мешки на землю.

— Почему вы здесь? — спросил Миша.

Он был в синей кепке и кожаной куртке, которую не снимал даже летом.

— Так просто. — Генка ощупал мешки. — Книги?

— Книги.

— А где Коля?

— Коля больше не приедет. Его мобилизовали во флот.

— Вот оно что, — протянул Генка. — А кого пришлют вместо него?

Миша медлил с ответом. Он снял кепку и пригладил волосы.

— Кого же пришлют? — переспросил Генка.

Миша медлил с ответом. Вожатым отряда назначили его самого. И он не знал, как сообщить эту новость ребятам. Сложная задача — командовать товарищами, с которыми сидишь на одной парте. Но Миша придумал два спасительных словечка. Скромно, с подчеркнутым безразличием он сказал:

— Пока меня назначили.

«Пока» и было первым спасительным словом. Действительно, кто должен временно заменить вожатого, как не его помощник?

Но скромное и учтивое «пока» не произвело ожидаемого действия. Генка вытаращил глаза:

— Тебя? Но какой же авторитет мы будем иметь в деревне? Колю все уважали... И старики.

Тогда Миша произнес второе спасительное слово:

— Я отказывался, но утвердил *райком*. — И, почувствовав за собой авторитет райкома, строго спросил: — Как же вы бросили лагерь?

— Там Зина Круглова осталась, — поспешно ответил Генка.

— Видишь ли, Миша... — начал Слава.

Но Генка перебил его:

— Ну как, Коровин, в гости к нам приехал?

— По делу, — ответил Коровин и шумно втянул носом воздух. В форменной одежде трудколонииста он выглядел толстым и неуклюжим. Его потное лицо блестело, и он все время отмахивался от мух.

— Раздобрел ты на колониистских хлебах, — заметил Генка.

— Кормят подходяще, — ответил Коровин.

— А по какому делу ты приехал?

Миша объяснил, что детдом, в котором живет Коровин, превращается в трудовую коммуну. И разместится трудкоммуна здесь, в усадьбе Карагаево. Завтра сюда приедет директор. А Коровина вперед послали. Узнать, что к чему. Правда, это Рязанская губерния, но и от Москвы недалеко. Усадьба пуста. В огромном помещичьем доме никто не живет. Отличное место. Ничего лучшего для коммуны не придумаешь.

— Фью! — засвистел Генка. — Так и пустит их графиня в усадьбу.

Коровин вопросительно посмотрел на Мишу:

— Кто такая?

Размахивая руками, Генка начал объяснять:

— В усадьбе раньше жил помещик, граф Каратаев. После революции он удрал за границу. И живет теперь тут одна старуха, родственница графа или приживалка. Охраняет усадьбу. И никого туда не пускает. И вас не пустит.

Коровин опять втянул воздух, но уже с некоторым оттенком обиды:

— Как — не пустит? Ведь усадьба государственная.

Миша поспешил его успокоить:

— Вот именно. Правда, у графини есть охранная грамота на дом, как на историческую ценность. Не то царица Елизавета здесь жила, не то Екатерина Вторая. И графиня всем тычет в нос этой грамотой. Но ты сам пойми: если будут пустовать все дома, в которых веселились цари и царицы, то где, спрашивается, народ будет жить? — И, считая вопрос исчерпанным, Миша сказал: — Пошли, берите мешки!

Генка с готовностью ухватился за мешок. Но Слава, не двигаясь с места, сказал:

— Видишь ли, Миша... Вчера Игорь и Сева...

— Ах да, — перебил его Генка, опуская мешок, — я только хотел сказать, а Славка вперед вылез. Всегда ты, Славка, вперед лезешь! — Потом он заканючил: — Понимаешь, какое дело, Миша... Такое, понимаешь, дело... Как бы тебе сказать...

Миша рассердился:

— Что ты тянешь?!

— Сейчас, сейчас... Так вот... Игорь и Сева убежали.

— Куда убежали?

— Фашистов бить.

— Каких фашистов?

— Итальянских.

— Глупости ты болтаешь!

— Почитай сам.

Генка протянул Мише записку.

«Ребята, до свидания, мы уезжаем бить фашистов. Игорь, Сева».

Миша прочитал раз, потом другой, пожал плечами:

— Чепуха какая-то! Когда это случилось?

Генка начал путано объяснять:

— Вчера, то есть сегодня. Вчера они легли спать вместе со всеми, а утром просыпаемся — их нет. Только вот эта записка. Мне, правда, они еще вчера показались очень подозрительными. Вздумали ботинки чистить! Никакого праздника нет, а они вдруг — ботинки чистить. Смешно!

И он неестественно засмеялся, приглашая Мишу тоже посмеяться над тем, что Игорь и Сева вздумали чистить ботинки.

Но Мише было не до смеха.

— Вы их искали?

— Всюду. И в лесу и в деревне.

— Может, они с жиганами связались? — сказал Коровин. — У нас как кто убежит — значит,

ищи жигана поблизости. Он подбил. И обязательно в Крым бегут. Сейчас все в Крым бегут.

Миша махнул рукой.

— Какие здесь жиганы! Просто эти вот помощнички всех распустили. — И он смерил Генку и Славку взглядом, исполненным глубочайшего презрения.

— При чем здесь мы? — в один голос закричали Генка и Славка.

— При том! Раньше не бегали, вот при чем!

Генка прижал руки к груди:

— Честное благородное слово...

— Не нужно твоего благородного слова! — оборвал его Миша. — Пошли в лагерь!

Генка и Славка взвалили на плечи мешки. Мальчишки двинулись к лагерю.

Глава 3

УСАДЬБА

Тропинка, по которой они шли, вилась полями.

Генка болтал без умолку. Но разговаривать он умел, только размахивая руками. Мешок с книгами незаметно, сам собой перекочевал обратно на плечи Коровина.

— Если вам даже удастся перебороть графиню, — разглагольствовал Генка, — то все равно организовать здесь коммуну, наладить хозяйство будет очень трудно. Прямо скажем — невозможно. В усадьбе ничего нет. Инвентаря никакого, ни живого, ни мертвого — ни бороны, ни сохи, ни плуга, ни телеги. Тут, брат Коровин, такое творится!

— А что?

— Чудак! Ведь мы сюда приехали, чтобы организовать пионерский отряд. А что против нас?

Несознательность родителей: не пускают ребят в отряд. Даем спектакль — битком набито. Объявим после спектакля собрание — все разбегаются.

— Дело известное, — глубокомысленно заметил Коровин.

— Вот именно, — подхватил Генка. — А сами ребята деревенские... Сколько у них предрассудков! Только и рассуждают о леших и чертях. Поработай с ними!

— Трудно, значит?

— Нелегко, — сокрушенно подтвердил Генка. Но тут же хвастливо добавил: — Раз должны организовать — значит, организуем. Вот книжечки им привезли. — Он тронул рукой мешок, который за него тащил Коровин. — Спектакли даем, в ликбезе работаем, ликвидируем неграмотность.

Миша молча шагал и думал о том, как неудачно начинается его работа.

В первый же день пропали два пионера. Куда они делись? Без денег, без продуктов они далеко не убегут. Но мало ли что может случиться с ними в дороге. Могут и в лесу заблудиться, и в реке утонуть, и под поезд попасть...

Поставить в известность их родителей? Пожалуй, не стоит. Зачем заранее волновать? Все равно беглецы найдутся. А родители всех взбудоражат. Подымут всех на ноги. Неприятностей не оберешься. В школе, в райкоме только и будут говорить об этом происшествии. А в деревне уже, наверное, сплетничают, что пионеры разбегаются и, значит, не надо пускать ребят в пионеры. Вот что наделали Игорь и Сева. Подорвали авторитет отряда. Целый месяц работали — и на тебе!

Его мрачные размышления прервал Генкин возглас:

— Вот и усадьба!

Мальчики остановились.

Высоко на горе, в гуще деревьев, виднелся двухэтажный помещичий дом. Казалось, что у него несколько крыш и много дымовых труб. Над верандой возвышался мезонин с двумя окнами по бокам и нишей посередине. К дому, пересекая сад, вела широкая аллея. Отлогие каменные ступени, постепенно образующие лестницу, двумя крыльями огибали веранду.

Генка прищелкнул языком:

— Красиво?

Коровин с шумом втянул воздух:

— Хозяйство — вот что важно.

— А хозяйства там никакого нет, — заверил его Генка.

Действительно, усадьба казалась заброшенной. Сад зарос. Скамейки вдоль аллеи поломаны, большая гипсовая ваза в центре клумбы разбита, пруд затянут ядовито-зеленой тиной.

Все мертво, безжизненно, мрачно.

И только звонкие ребячьи голоса, которые доносились из глубины сада, нарушали угнетающую тишину.

За сломанной оградой на лужайке белели палатки. Это и был лагерь.

Глава 4

ОТРЯД

В середине лужайки высилась мачта с развевающимся вымпелом. В стороне горел костер. На двух треногах лежала палка, порядком обгоревшая. Возле костра хлопотали дежурные, варили обед. Сильно пахло подгоревшим молоком.

— Все в порядке, — быстрой скороговоркой доложила Круглова Зина. — А насчет Игоря и Севы они, — Зина кивнула на Генку и Славку, — наверное, тебе рассказали.

При упоминании об Игоре и Севе ребята загалдели. Всех перекричал Вовка Баранов. Он совсем не рос, и его по-прежнему звали Бяшкой. Но он стал ужасным борцом за правду. Ему казалось, что если не он, Бяшка, то в мире воцарятся ложь и несправедливость.

И он громче всех закричал:

— Они убежали из-за Генки!

— Что ты врешь, Бяшка несчастная! — возмутился Генка.

Но Миша велел Бяшке рассказывать.

Как всегда, когда он боролся за правду, Бяшка начал очень торжественно:

— Я расскажу всю правду. Мне незачем прибавлять и выдумывать.

— Ближе к делу, — поторопил его Миша.

— Так вот, — продолжал Бяшка, — когда мы легли спать, то начали разговаривать. Это было после спектакля «Смерть фашизму». Игорь и Сева сказали, что надо не спектакли ставить, а фашистов громить, чтобы не убивали людей. Тогда Генка начал над ними смеяться: «Поезжайте, поезжайте бить фашистов, а мы посмотрим». Игорь разозлился и сказал: «Захотим — и поедем». Тогда Генка говорит: «Захотите, захотите!» Такой был разговор. А утром Генка проснулся и спрашивает: «Вы еще здесь? А я думал, вы убежали фашистов бить». И потом каждое утро Генка как проснется, так и спрашивает их: «Вы сколько сегодня фашистов побили?» Так их задразнил, что они в конце концов и убежали. Вот как было. А врать мне незачем. Я никогда не вру.

— Генка, это правда? — спросил Миша.

— Правда, правда! — закричали ребята.

— Он все время дразнится! — проворчал Филя Китов. Как и раньше, он любил поесть, всегда жевал что-нибудь и еще больше растолстел.

— Генка, это правда?

Генка пожал плечами:

— Я их немного подразнил. Верно. Но для чего? Для того, чтобы они эту чепуху выбросили из головы. А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

— Ах, смешно! — закричал Миша.

Не в силах сдержать свое возмущение, он вдруг сорвал с головы кепку, бросил ее на землю, повернулся вокруг себя один раз, потом другой и, застыв на месте, уставился на Генку.

Ребята, остолбенев, смотрели на Мишу.

Миша вспомнил, что он теперь вожатый отряда и должен сдерживать себя.

— Ладно! — Он натянул кепку на голову. — Мы их сначала найдем, а потом разберемся, кто виноват. Быстро пообедайте, и начнем искать.

Генка сразу оживился:

— Правильно! Мы их враз найдем. Вот увидишь!

За обедом Миша опросил дежурных. Но они клялись, что ничего не видели. А ведь Игорь и Сева забрали все свои вещи, вплоть до кружек и ложек. И никто этого не заметил.

Конечно, они могли уехать домой. Но, прежде чем ехать за ними в Москву, надо как следует поискать здесь.

Наиболее вероятным местом, где могли спрятаться мальчики, представлялась Мише усадьба. Он пойдет туда с Коровиным. А ребята пусть прочешут лес.